

ВЕРНУЛСЯ с войны парень. Вернулся домой, в студию Большого драматического театра. В 1946 году вышел на сцену как профессиональный актер и с тех пор работает в театре.

Путь народного артиста РСФСР Владислава Игнатьевича Стрельчика был прям — одна мечта, одна цель, один театр. Но при всей очевидности истоков и прямолинейности движения судьба мастера не стала простой. В театр пришел уже не юноша, а человек с жизненным опытом, опытом войны. Ему было что рассказать зрителю. Но образ его современника в выгоревшей армейской шинели еще «оформлялся» на письменном столе драматурга. А на сцене Большого драматического главное место занимал классический театральный герой. Это обстоятельство да еще внешность определили на первых порах амплуа актера.

век понимает: он пойдет, он обязан. Как обязан каждый.

Эта роль без имени открыла зрителю совсем нового, зрелого актера. В. Стрельчик вступал во владение огромным актерским богатством — свободой творческого поиска внутри жесткого и точного режиссерского замысла. Он получил самостоятельность авторства в роли. Определил точку отсчета в своих оценках. Его темой стал человек, заблуждающийся относительно своей роли в жизни.

Дальше будут рождаться и выходить на сцену самые разные герои В. Стрельчика. Трагические и смешные, плохие и хорошие, но почти в каждом из них уже будет жить личная тема артиста, его мера добра и зла. И, наконец, именно поэтому диапазон актера оказывается практически неограниченным. Формируется его виртуозное мастерство в искусстве сценического

ты старческие руки бессильно соскользнули с подлокотников, портфель с повисшими застёжками падает на пол, из кармана пальто свисает обычный портновский сантиметр.

Трудно понять, в каком году для него остановилось время. Ощущается «другой век». Но как же этот человек живет? Если ушло из жизни его поколение? Если человек «выпал» из общества? Такая жизнь — механическое удовлетворение жизненных потребностей. И, как бы подтверждая эту догадку, старик неожиданно расстилает на коленях платок и начинает заправлять. Он ест крутое яйцо и так уходит в этот трудный для него процесс, что начинает напоминать какой-то разлаженный автомат. Жизнедеятельность стала тяжелым трудом.

Оживает старик в общении. Легко представить себе, с какой энергией мчался он по вызову Вика, навстречу жизни, возможности встречаться с людьми и разговаривать. Для него это праздник. Только надо найти способ общения, контакт с «этими молодыми». Он строит целый мост к взаимопониманию и чуть ли не умирает, когда иллюзия понимания рушится.

Трагедия разрыва с современниками, невосполнимость человеческого общения составляют драматургию характера, который играет В. Стрельчик. А характер этот, несмотря на его фантазматичность, психологически обоснован и объяснен. Так же, как объяснен и неожиданный и неистовый Гарри Перси в «Генрихе IV» или жизнелюбивый, изящный, динамический по мироощущению революционер Бауман.

В роли Баумана В. Стрельчик создает психологический портрет личности. В его герое как бы воплощаются стремительность и оптимизм хода истории. Состояние непрерывной поглощенности делом не превращает его в аскета. Наоборот, Бауман изысканно жизнерадостен. Он находит своеобразное наслаждение в том, чтобы до конца исчерпывать жизненные ситуации, в которые попадает. Он грациозно ироничен с меньшевиками, которых не только ставит на место, но и высмеивает, и упоен любовью в сцене с женой. Для артиста ключом к своеобразию характера Баумана оказываются качества, которые принесли ему прозвище «балерина». Артистизм личности, духовная тонкость, а не легко достижимое внешнее сходство и не типологические признаки борца вообще делают портрет Баумана убедительным и достоверным.

Актер умеет решать портретные задачи и делает это виртуозно, когда, скажем, в исторических фильмах изображает Наполеона или выступает в «семейной» галерее «дома Романовых». Но в настоящей, большой работе вы всегда узнаете актера. В этом узнавании в «другом человеке» знакомого лица коренится одно из самых больших зрительских наслаждений. Поэтому из всех киногероев Стрельчика только один сделал настоящую карьеру — это «его превосходительство» из многосерийного фильма «Адъютант его превосходительства».

Но сколько бы ни было у него удач в кино и на телевидении, артист В. Стрельчик открывает и делает открытия, мне кажется, только в театре. Сегодня он знакомит нас со старым князем Пантишвили в спектакле «Ханума».

Седой венчик вокруг обширной лысины, и в центре ее — несколько кудрявящихся волосков. Подрагивающая походка бывшего кавалериста по-старчески неуверенна. Изящные движения маленьких рук округлы и незаконченны — будто человек боится резким жестом вывести себя из равновесия. Бесполезный и самоуверенный, он убежден в своей неотразимости. Принимает позы, кокетничает, сорит французскими фразами, к месту и не к месту напоминает, что жил когда-то в Петербурге. Смешит, удивляет, поет неожиданно молодым голосом. Как будто чуть-чуть пародирует тех молодых красавцев в колетах и буках, которыми он начинал свою биографию на этой же сцене. Да, в том театре, порою которого он впервые переступил много лет назад учеником и где сейчас работает как признанный мастер.

В. ИВАНОВА

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

ПОЧЕРК МАСТЕРА

Кудрявый Лель в «Снегурочке», таинственный и страстно влюбленный Рюи Блаз, томный Флориндо в «Слуге двух господ», блестящий дон Хуан в «Девушке с кувшином» — таким запомнился молодой В. Стрельчик.

В парике с буклями или в широкополой шляпе романтического героя, в плаще или камзоле В. Стрельчик был одинаково красив, изящен и элегантен. К тому же он обладал чувством юмора, умел раскрыть смешные стороны сценической ситуации и забавные слабости своих героев. Потом выяснилось, что романтический «рыцарь любви и чести» все-таки лишь дублер. И выяснилось это довольно быстро. Те же томные и страстно влюбленные герои В. Стрельчика, которые так недавно заставляли замирать зрительный зал, теперь казались искусственными и напыщенными. Актера стали упрекать в том, что он повторяется. Современная тема становилась насущно необходимой, требовалось обновление сценического героя.

Такого героя театр и актер ищут всегда. Искал и В. Стрельчик. Он играл Володю в «Яблоне ветке», Ярового в «Любови Яровой», Василия Гуляева в «Строгой девушке», Николая Леонтьева в «Кандидате партии» и многих других, но уровень этих спектаклей, уровень исполнения этих ролей не мог вывести его на новую дорогу. Мелькнула и не получила продолжения роль Грекова во «Врагах».

Выход был в обновлении всей жизни театра. И когда это произошло, началась переакцентировка «привычного» В. Стрельчика. Он продолжал играть красавцев любовников, но это уже были не благородные страдальцы и рыцари чести, а любовники-негодяи. Артист «рассчитывался» с донжуанами своей молодости, обрел изящную и злую иронию.

Это не было случайностью. Время вывело на сцену нового героя, новые жизненные проблемы. Вопрос об ответственности человека за себя и за все, что происходит в мире, стал все чаще привлекать мастеров искусства.

В спектакле «Четвертый» В. Стрельчик играет роль человека из толпы. У него даже имени не было. В пьесе обозначено просто — Он. Усталый, не очень молодой мужчина — в нем нет ни силы, ни энергии, никаких особых бойцовских качеств. Человек, переживший войну, достигший стандарта благополучия. Равнодушно выслушивает он Тедди Франка, который сообщает ему о тайных намерениях американской разведки, грозящих миру новой войной. На его плечи ложится знание этой тайны. Только он может предупредить, сделать так, чтобы угроза не осуществилась. А если он ничего не предпримет? Ведь никто не узнает... Но тут перед ним встают тени погибших друзей из тех лет, когда его судьба сливалась с другими судьбами, объединенными войной против фашизма. И чело-

го перевоплощения. Первой ролью, в которой раскрылись новые возможности, стала роль Цыганова в «Варварах».

Сегодня В. Стрельчик играет роли любых амплуа: Баумана в «Третьей страже» и Гарри Перси в «Генрихе IV», своего ровесника Сашу Машкова в «Традиционном сборе» и девяностолетнего старика Григория в «Цене».

Саша Машков неуклюж и скромный. Кажется, что он краснеет, когда на него смотрят. Запоздалая конфузливость Саши от беззаветной любви к Агнии. Любит жену и знает, что она не отвечает ему взаимностью. А оттого чувствует себя человеком, обокравшим другого — своего друга Сергея Усова. Он поглощен состраданием к мнимым и реальным бедам Агнии. А когда на минуту отвлечется, то с удивлением замечает, что вне «семейного круга» Саша Машков вполне самостоятельный, обаятельный и талантливый человек. Он хороший, но слабый. Тянется к сильной натуре Усова и подчиняется категорической активности Агнии. Он вызывает сложное чувство. Но перед нами совершенно достоверный и конкретный человек. И хотя актер играет своего ровесника и не прибегает к внешнему преобразению, это одно из самых совершенных перевоплощений В. Стрельчика.

В сказке, чтобы вызвать джинна, надо было потерять старую медную лампу. В спектакле «Цена» видение прошлого возникает из старого телефонного справочника. Виду Франку понадобилось оценить устаревшие вещи, громадающиеся в старом, предназначенном на снос родительском доме. По телефону вызван оценщик. Он опаздывает. Но вот на лестнице слышатся шаги, и показываются осторожно ступающие, неуверенные старческие ноги. А на ботинках гамаша с лакированными пуговицами-кнопками. Все, что надето на этом человеке, не старое, а устаревшее. Этот странный фантом движется неуверенно и одновременно целеустремленно. Преодолев пространственные комнаты, рушится в кресло и шумно дышит. Жел-